

Евгений Леонов: «ВЕРУЙ В СВОЮ ПРОФЕССИЮ»

У нас в гостях побывал популярный актер театра и кино, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР Евгений Леонов. Он поделился воспоминаниями о своих учителях и товарищах, рассказал об удивительной профессии актера. Мы сознательно обошли биографию Евгения Леонова. Важнее другое — его взгляд на искусство актера, его гражданский мир.

— Мне хотелось бы начать вот с чего. В нашем театре им. Станиславского у меня был товарищ — Женя Урбанский. Мы с ним дружили. Конечно, и ссорились, и спорили, и не разговаривали порой, но дружили очень, потому что занимались серьезно делом. Он был необыкновенным актером, обладал темпераментом сильным. Помню, критики писали, что есть актер кино Урбанский, а театрального актера Урбанского пока еще нет.

Действительно, за свою короткую, но очень яркую жизнь в кино он создал блестящие образы, которые вошли в историю нашего кинематографа, как совершеннейшие актерские работы. Это молодой солдат в фильме «Коммунист», коммунист в фильме «Коммунист» и другие. И вот такое отношение критики к нему он воспринимал очень болезненно. Мне кажется, иной раз критик может неосторожно зачеркнуть интересную актерскую индивидуальность. Может быть, это не только вина критика. Возможно, в тот момент в театре не было такого режиссера, который сумел так ярко, выпукло показать Урбанского, как сумел раскрыть себя он в кинематографе.

Конечно, когда тебе уже 50 лет, то кажется все равно, что пишут. Во всяком случае, у тебя есть уже какая-то позиция. Но тем не менее, иногда путает, когда на Марка Захарова, молодого режиссера вдруг идет лавина критических статей по поводу чуть ли не любого его спектакля. Он в Ереване правильно заметил, что наш театр и «бьют», и «награждают».

И действительно, нам попадает. Я иногда думаю, правильно ли это? Все, что о нас пишут, я прочитал, и от многих статей не получил удовлетворения. То же можно сказать и о спектакле «Иванов».

Иванова играли прекрасные актеры: Бабочкин — в Малом театре, Смирнов — в Пушкинском. И вот эти два спектакля вызвали огромную полемику среди критиков. Прекрасно, когда разные театры по-своему ставят и ставят, что есть разные Ивановы, разные прочтения. Ведь чем больше поисков, тем больше шансов приблизиться к Чехову. Не знаю, насколько мне это удалось: кто-то принимает мою работу, кто-то нет. Я к этому отношусь совершенно трезво, понимаю, что иначе и не может быть, потому что у каждого в Чехове свой горизонт, и, естественно, у одних он совпадает с моим, у других отличается.

Сам Чехов пишет об «Иванове»: «Я радуюсь, что в этой пьесе не вывел ни злодея, ни ангела, никого ни осудил, ни оправдал». Иванов внешне совершает поступки не очень хорошие. Доктор вроде бы не плохой человек, а на самом деле он-то как раз и не вызывает симпатии, а Иванов — интересный. Эта личность драматична, и актеру не хочется играть «уцененного» Иванова. И Марку Захарову хотелось убрать ставшую традиционной исключительность этого персонажа. Если учесть, что я играю Иванова без грима, то думаю, что критик не должен обгирать у актера право поворачивать героя лицом к своему времени. Это не значит, что нужно изменять текст. Я всегда был против этого. Но тем не менее сумел же Товстоногов, ставя «Мещан», так неожиданно приблизить к нам эту пьесу Горького, а Гончаров — «Детей Ванюшина»? Хотя об этом тоже спорили. Царев при встрече однажды спросил: «Что вы исковеркали такую прекрасную мелодраму?»

А ведь наш спектакль «Дети Ванюшина» был очень яркий, острый, интересный и в чем-то современный. В этом, мне кажется, и был поиск театра, поиск актеров. И это всегда нужно поддерживать.

Многие до сих пор недоумевают: почему я пришел в молодежный театр? Говорили, что я заново начинаю свою карьеру. В театре имени Маяковского я играл хорошие роли — в спектаклях «Дети Ванюшина», «Таланты и поклонники», «Человек из Ламанчи». И все-таки я ушел. Главная причина — в театр имени Ленинского комсомола пришел Марк Захаров. Я надеялся, что этот современный, резкий режиссер поможет мне раскрыть в себе какие-то новые грани, быть каким-то неожиданным. «Наш театр — поиск», — говорит он. И это меня очень устраивает. Интересно, когда есть поиск, когда есть дерзость. Не знаю, долго ли мы продержимся на этом. Нельзя ведь все время говорить: мы ищем, ищем, когда-то нужно и найти что-то.

Существуют штампы зрительского восприятия. Проявляются они и у творческого руководства. Как это конкретно выражается в актерской судьбе? Артисты часто сетуют: «Мечтаю сыграть совершенно другой образ, а мне все одно и то же...»

Актер театра имени Евгения Вахтангова Юрий Волынцев играет в спектакле «Человек с ружьем». Спектакль стали снимать на телевидении, и его вдруг лишили роли. Руководитель заявил: «Ну какой же он матрос с «Авроры», он же «Пан Спортсмен». Волынцев разволновался: «Что же, теперь на всю жизнь я Пан Спортсмен?»

Тихонов тоже после телефильма «Семнадцать мгновений весны» признался: «Вот просто ужас, обрушилась на меня такая популярность, что теперь я только Штирлиц...» Недавно он снялся в художественном фильме «Белый Бим Черное ухо» в главной роли и еще раз доказал свою актерскую многогранность.

А Ульянов? Помню его слова: «Пока не хочу сниматься, много предложений, но такое ощущение, что теперь я только Жукова должен играть в кино».

Профессия актера — сложная, я бы сказал каторжная. Об этом говорил нам и Михаил Михайлович Яншин. Настоящую актерскую школу я, как и мои товарищи, прошел у него. Он был педагогом ищущим. Я о нем говорю не только из чувства благодарности и уважения, но и потому, что он был интересным человеком. Он всегда проверял свое искусство жизнью. И нас учил делать это. Для меня всегда были дороги слова Чехова: «Неси свой крест и веруй».

Веруй в свою профессию. У каждого актера в жизни бывает много испытаний. Поступил мой сын в театральный институт, я ему сказал: «Кончишь институт, Андрюша, будешь только называться актером. Настоящим артистом не станешь, на это нужно жизнь ухлопать».

И еще неизвестно, придет к актеру то, что называется признанием. А в нашей профессии сказать, что ты как артист сложился — очень трудно. Потому, что каждый раз ты связан с новой литературой, каждый раз тебе предлагают сыграть чужого человека, выдуманного автором, а тебе нужно прожить судьбу этого человека, научить его всему: и плакать, и любить, и ненавидеть.

Яншин учил нас: болеть, нездоров — сиди дома. Только расчитай свои силы, возможности. Посидел еще немнож-

ко — и обогнал тебя искусство. Вышел на сцену — падай, умирай, ползай, в любви объясняйся — все это делай с отдачей. Сегодня наврешь, завтра, послезавтра так не заметишь, как ты потерял свой талант. По-разному у нас бывает. Еще никто не мог объяснить: почему и когда он перестал быть актером. Предлагают роль, а он не может. И в кино так бывает.

Существуют железные границы возможностей, через которые не перепрыгнешь. Как трезво и сурово надо знать свои возможности, чтобы не упасть под непосильной ношей. Поэтому профессия наша — интересная, прекрасная, но трудная и сложная, беспорочно. Что бы ты ни играл — гротеск, комедию, драму, где бы ни выступал — выйди и отдай частицу сердца... Вот тогда все возможно — и в концерте участвовать, и на телевидении сниматься...

Мне кажется, сейчас где-то происходит стирание граней в актерском деле. Раньше, когда я начинал, грим нужен был обязательно и говорить надо было громко. Сейчас зрителю это совсем неинтересно. Важно твоё мировоззрение, твои нервы, умение потратить на сцене. То же самое нужно и в кино. Играя князя Мышкина в театре, Смоктуновский говорил шепотом, но это не помешало ему, благодаря своему исполнению, стать крупным артистом. Помню, критики писали: родился новый интеллектуальный актер театра и кино. И в самом деле, это так. Право ведущего артиста нужно все время завоевывать.

Театр по-настоящему формирует личность. Эта проверка творчеством — ежедневная.

И еще. Несколько слов о письмах зрителя. Они бывают разные. Запомнилось странное письмо из Молдавии. «Мы смотрели ваши фильмы. Вы нам очень нравитесь, как актер. Вспомните «Джентльменов удачи», как вы бегаете там, а в картине «Премия» вы же ничего не сделали. Сидите и разглагольствуете». Как объяснить, что всякая роль — это мой актерский рассказ о том, что меня, как гражданина именно сегодня волнует?

Вышла картина «Афоня». Учительница из Ростова пишет: «Товарищи кинематографисты! Пора вам задуматься, зачем прославлять пьянство с экрана?» Я подумал, как странно, ведь Афоня — крик души режиссера: люди, не станьте афонями, не прожгите минуту, секунду, благополучно прожив, как Афоня.

Конечно, интересно, оставаясь Леоновым, создать образ, в котором трудно разобраться. Так и должно быть в искусстве. Чтобы не было иначе: вот идет человек — он хороший, а вот тот — подлец. Я не люблю раслаивать черты характеров своих героев. Не люблю, потому что в жизни все гораздо сложнее. В одном и том же человеке порой уживаются самые противоречивые черты.

Режиссер Данелия обладает удивительным свойством: любит снимать тех, кто уже снимался у него раньше, пытаясь раскрыть в них что-то новое. Я снимался в трех его фильмах. И по-моему, я везде у него разный. По крайней мере так мне кажется. Хотя грима у меня никакого нет. Когда-то писал Кончаловскому: «Товарищ Кончаловский, не снимайте популярных артистов. Берите тех, кто так перевоплощается, что даже не узнает». Но разве, в этом смысле актерского дела? Вся сложность в том, чтобы, идя от своих вольностей, раздумий, стать вровень с героем, быть им. Далеко не самое важное — быть узанным. Важно другое — суметь передать образ...

Недавно Евгению Леонову было присвоено высокое звание народного артиста СССР. Редакция газеты поздравляет замечательного актера и желает ему новых творческих успехов.

Беседу записала Н. ГОМЦАН.